

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 13 • м а й • 1986

ДЕМОНСТРАЦИЯ МИРА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Есть такой фильм — «Человек на своем месте». Там рассказывается о нетипичной ситуации: человек сам себя предложил на должность председателя колхоза. Потом оказалось, что руководить он стал очень здорово и колхоз пошел в гору.

С Екатериной Ващук было несколько иначе. Когда разделился на два хозяйства колхоз имени Ленина, которым много лет руководил Андрей Саввич Дружок, тот же Дружок и порекомендовал выбрать председателем отпочковавшегося колхоза Катю Ващук.

Ю. КАЗАНЦЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

Так стала Екатерина Тимофеева председателем нового колхоза, к которому отошла часть владений колхоза имени Ленина с доходом в 380 тысяч рублей и 70 голов крупного рогатого скота.

А через семь лет, в 1985 году, чистая прибыль хозяйства Екатерины Ващук составила 1 миллион 645 тысяч рублей, число крупного рогатого скота достигло 4300. Причем надои молока — одни из самых высоких на Украине. Словом, не хуже, чем в том кино.

— Ай да Катерина! — восхитились в районе.

— Ай да Ващук! — заговорили на Волыни. — И как же это ей удалось?

А вот как.

Вначале было слово. Вернее, слова — во вновь организованном колхозе сход выбирал генеральную линию хозяйствования.

— Если нам зерновые поднимать, то для них неважные у нас земли, — держала речь Екатерина Тимофеева. — И рельеф у нас слабомный, и почвы есть смытые. Поэтому предлагаю: поднимать животноводство!

— Дашь крупнорогатое направление!

— А корма? Кор-ма! — пробился дальновидный голосок. — Откуда при наших климатах угодня?

Но крепко готовилась к сходу Екатерина Тимофеева, в момент был обезоружен оппонент информацией: мол, пишут в газетах, что в Киеве есть институт земледелия, там живет и работает селекционер божьей милостью Заика Станислав Поликарпович. Всех прочих, сообщила Ващук, нашли в капусте, а его в кукурузе. Потому именно Заика получил кукурузный гибрид — «коллективная-101» и «коллективная-210». Вот это какой человек! Так же заочно колхозникам был представлен и Гурьев Борис Петрович, директор института растениеводства имени Юрьева. На аршин под землей видит!

— Вот кого мы кликнем в союзники и советчики! — подняла руку

Ващук, пальцем указывая вверх. — Светил!

— А кто у нас семи пядей во лбу? Кто возьмется навести мосты к профессуре?

— Попробую сама, — поставила точку председатель.

И вскоре выехала в командировку.

Зря стеснялись колхозники ученых. Вполне доступные люди общались с Екатериной Тимофеевой. Селекционер Заика образно — так может только очень сведущий в деле человек — поведал о тонкостях раннеспелых гибридов кукурузы. До отказа заполнились блокноты Ващук, когда она встретилась с директором института растениеводства Гурьевым.

— У индейцев, у ирокезов кукуруза, на их языке — маис, была обожествлена. Вы взялись за святое

кукурузное семя застревало, не покидало сеялку, табло всплскивало и лихорадочно мигало.

Поначалу это было забавным. Но когда от писклов начались слуховые галлюцинации, а лампочки зачдергались постоянно — это стало светомузыкальной мукой. Механизаторы занервничали.

Дело усложнялось еще и тем, что на одном гектаре решено было высеять 60 тысяч семян, на другом — 70 и так до 140 тысяч. Требовалось найти оптимальное число растений на гектаре.

— Нельзя снимать пискалки, товарищи, — говорила Ващук механизаторам, — потерпите, иначе не провести посевную по науке.

— А что если попробовать погружать семя в почву не на пять сантиметров, а на три? — задумчиво сказал агроном Кучинский. — Как

Так вот: на голову выше прочего массива стояла эта кукурузная делянка...

А в минувшем году с каждого гектара кукурузы было собрано по 71 центнеру зерна и по 488 центнеров зеленой массы.

Но не обольщались колхозники: быть может, такие урожаи — каприз природы? Случайность? И потому аж к академику, председателю Южного отделения ВАСХНИЛ Григорию Александровичу Богданову поехала на этот раз Екатерина Тимофеева. И академик не только вслушался в радостные тревоги Ващук — направил в ее колхоз ученых. Те все взвесили, измерили, надкусили, сказали: «Такой урожай — это благодаря вашей настойчивости, товарищ председатель, а также хорошо подобранным гибридным семенам кукурузы, уходу за

дело, — горячо говорил Гурьев. — И так, прошу от вас последние данные о климате, составе земель, осадках...

...Как из глубокой разведки, уставшей и похудевшей вернулась Екатерина Тимофеева в колхоз, и в тот же вечер главный агроном хозяйства Д. Кучинский сел за расшифровку блокнотов председателя.

— Дядьки! Да вы никак бузить?!

— Катерина Тимофеева, — взмолились механизаторы, — мочи нет, снимите мигалки с пискалками — робить невозможно! Стоит перед очами табло, как в хоккее, по психике лупит.

Дело было вот в чем. Контрольная аппаратура каждой сеялки была установлена в кабине механизатора, и как только хотя бы одно

минимум на неделю раньше будут всходы, а при наших погодках это срок.

Но для этого особо тонко нужно настроить машину. Пришлось пасть на колени агроному. За ним, не желая отставать, пала на колени и Екатерина Тимофеева.

Прокатилось лето. А осенью Екатерина Тимофеева и ее сподвижники были приятно поражены — оказывается, при соответствующем уходе до 120 тысяч растений могут соседствовать на гектаре земли (технология предлагала 60 тысяч); положительно сказались и опыты агронома Д. Кучинского — не зарывать семя на 5—6 сантиметров, а посмотреть, как оно пойдет в рост с глубины 3—4 сантиметра.

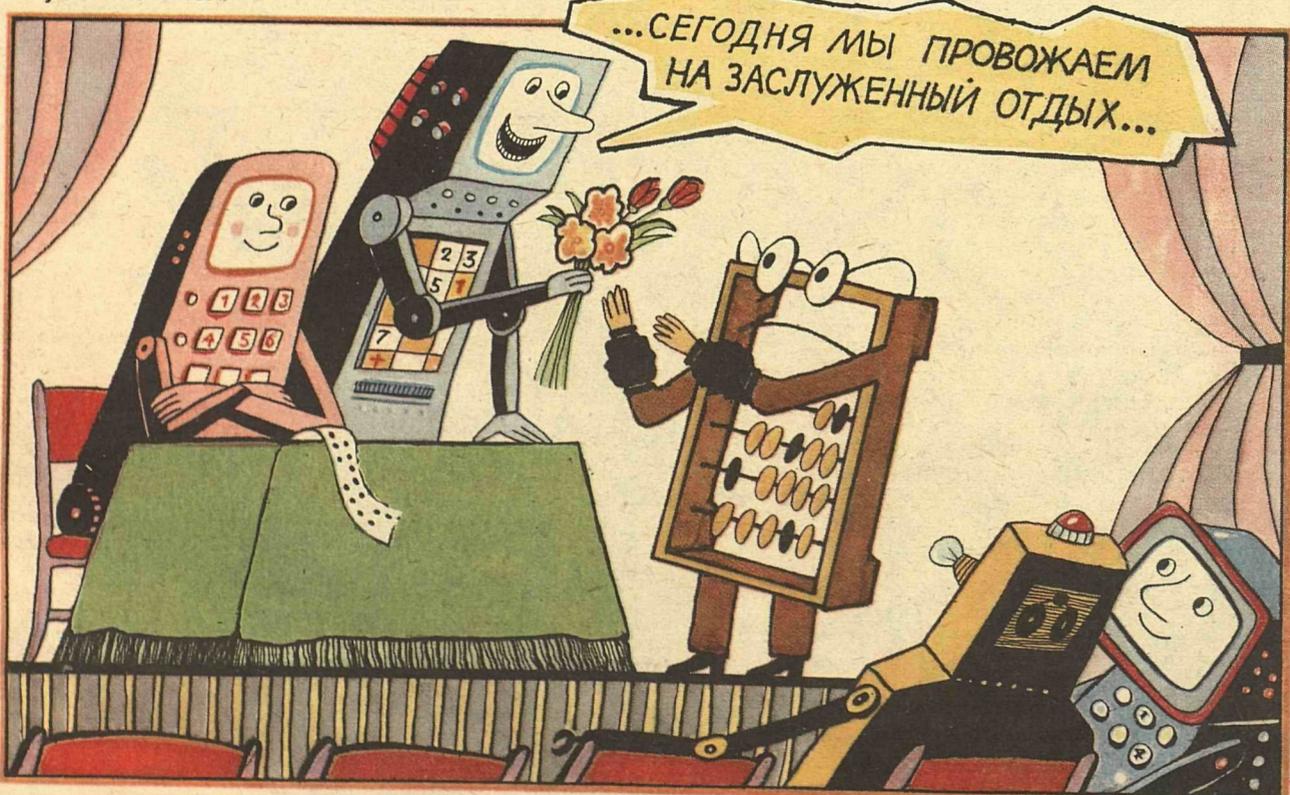
полем». В нынешнем, первом году XII пятилетки кукурузоводы дали слово собрать не меньше 80 центнеров зерна и по 500 центнеров зеленой массы.

Колхоз имени XXV съезда КПСС богатеет. Строится. Хорошеет. По экономическим показателям перецеголял единокровный колхоз имени Ленина, и лишь одно успокаивает председателя Дружока: Ващук Екатерина — его ученица, переняла у него самое лучшее.

И все благодаря кукурузе, которой в колхозе теперь «зеленая улица». Знатно смотрится теперь Микола Стрелец, звеньевой звена по выращиванию кукурузы, в подаренном на ВДНХ «Москвиче», и всякий колхозник полагает, что он не хуже бы смотрелся.

Волынская область.

Рисунок О. ЭТИСА.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ШКОЛА ТЕРПЕНИЯ»

Как вы думаете, читатель, почему грубят продавцы в магазинах? Почему им надо напоминать золотые слова Сервантеса о том, что «ничто не ценится так дорого и не обходится так дешево, как вежливость»?

Писатель З. Паперный в фельетоне «Школа терпения» (№ 1) попытался исследовать эту проблему. Оказалось, что вежливость — категория не только нравственная, но главным образом экономическая. Невежливыми продавцы становятся по чисто коммерческим соображениям: они не заинтересованы в том, чтобы тот или иной товар был продан, поскольку состоят на твердом окладе.

Главное управление торговли г. Москвы учло это обстоятельство. Начала внедряться сделная оплата труда продавцов, на которую сейчас переведены 154 магазина, а с 1 февраля в порядке опыта внедряется индивидуальный учет продажи товаров каждым продавцом. Об этом нам сообщил начальник главка Н. Завьялов.

Первый заместитель начальника Главмосплодоовощпрома Ю. Зиновьев дополнил письмо тов. Завьялова: «В целях повышения материальной заинтересованности работников розничной торговли наряду с повременно-премиальной системой оплаты труда вводится сделно-премиальная. Премии продавцам, кассирам, контролерам, а также руководящим, инженерно-техническим и другим работникам выплачиваются при условии высокого качества обслуживания и отсутствия нареканий со стороны покупателей. В случае невыполнения этих условий соответствующие работники лишаются премии полностью или частично. В настоящее время на сделную оплату труда в системе плодоовощной торговли переведено более 80 процентов работников».

«ГОВОРЯЩЕЕ ПИСЬМО»

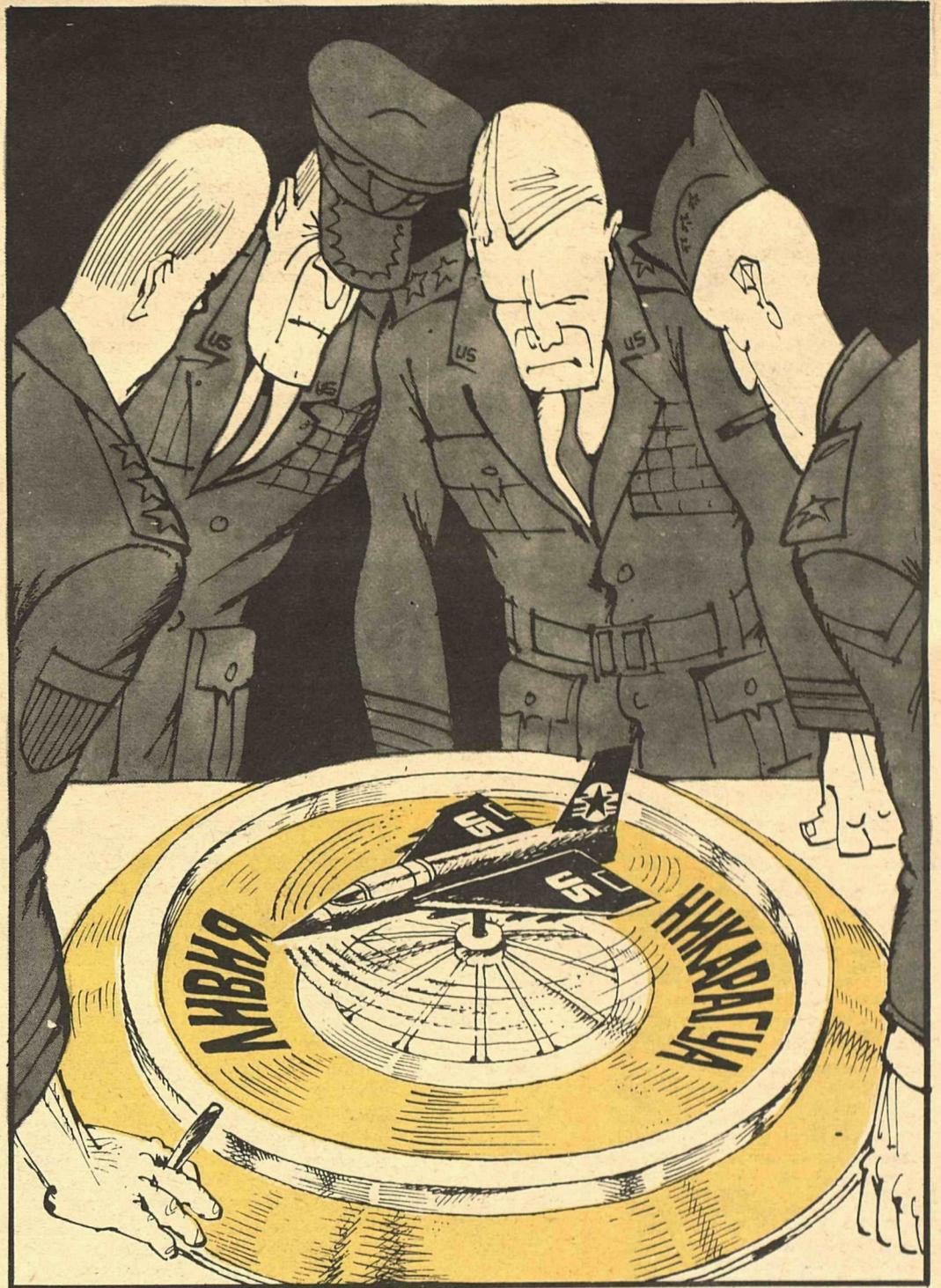
«Что же это получается, товарищи! Разве можно так варварски обращаться с удобрениями!» — эмоционально началось письмо читателя Н. Карина из Тамбовской области, опубликованное в подборке писем «Говорящее письмо» (№ 5).

Первый заместитель председателя Тамбовского областного агропрома А. Минин подтвердил, что возмущение читателя было обоснованным. Специалисты проверили, как относятся к удобрениям в совхозах «Шапкинский», «Россия», в объединении «Сельхозхимия» Мучкапского района, и убедились, что хранятся они из рук вон плохо. Материалы проверки были рассмотрены в районном комитете народного контроля.

За неудовлетворительное хранение минеральных удобрений и частичную их порчу постановлением КНК на главного агронома совхоза «Шапкинский» Ф. Палачева и агронома «Сельхозхимии» А. Трубинова произведен денежный начет в размере одной трети месячного оклада, а директору совхоза «Россия» Н. Макееву объявлен выговор. Выговоры также получили председатель РАПО В. Хоружий и председатель районной «Сельхозхимии» И. Ерохин.

Результаты этих мер не замедлили сказаться: и в районной «Сельхозхимии», и в обоих совхозах наведен порядок с удобрениями.

Рисунок В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

АЗАРТНЫЕ «ИГРЫ» ПЕНТАГОНА

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

КУДА И ПОЧЕМУ ЛЕТАТ ЩЕПКИ?

Лес рубят — щепки летят. Всем известная истина. Но не всем известно, куда они летят. Летят ли щепки в сторону заводов, выработывающих из них нужные нам вещи, или они летят напрямик в костер? Как говорится, увьи! В массе своей щепки и прочие отходы леса летят в огонь, а также в отвалы, где сгнивают.

Это обстоятельство стало предметом исследования в фельетоне Ю. Борина «Куда щепки летят?» (№ 5, 1986 г.).

Заместитель министра лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. Савченко, отвечая редакции, признал, что в фельетоне «поставлен актуальный вопрос об улучшении использования древесных отходов». Далее тов. Савченко сообщает, какие меры предпринимает Минлесбумпром, чтобы лучше использовать данные отходы, организовать их сбор и переработку. Вводятся новые мощности, создаются комплексные предприятия для полной переработки древесины, распространяется опыт передовиков, организуется общественный смотр рационального использования лесных ресурсов и т. д.

Все это, безусловно, радует и вселяет надежду, что лесов наконец-то будет вырубаться меньше, а продукции из дерева будет делаться больше (о чем, кстати, было рассказано на примере одного из комбинатов Прикарпатья в фельетоне И. Скоробогатовой

«Любовь по расчету» в № 7 за этот год). И тем не менее нас не оставляет тревога за наши лесные богатства. А письмо замминистра только усилило это беспокойство.

Судите сами. Из ответа тов. Савченко явствует, что «технические возможности не позволяют в ближайшие годы коренным образом изменить существующее положение использования лесосечных отходов». Почему? Да потому, что в XII пятилетке Минлесбумпром СССР получит слишком мало машин для сбора и транспортировки отходов, самоходных рубильных установок и прочей техники. Вся эта техника позволит собрать и переработать дополнительно не более 1 миллиона кубометров щепы. Но ведь один миллион кубометров — это капля в море лесных отходов.

И второе. Минлесбумпром СССР, говорится в письме, «поддерживает выступление журнала об установлении заданий по производству технологической щепы из отходов всем министерствам и ведомствам, перерабатывающим древесину». А таких министерств и ведомств, как сказано в фельетоне, — семьдесят. Но задания Госплан СССР дает только десяти. Между тем ни упомянутые ведомства, ни сам Госплан ни словом не откликнулись на выступление журнала.

Как же все-таки собираются решать проблемы экономии лесных ресурсов все эти ведомства и министерства?

XXVII: ШИРЕ ШАГ!

9 МАЯ ★ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Иных западногерманских туристов приводят в настоящей стресс наши памятники. Нет, волнует их не тот седой собор-старикан, что хранит в расщелинах своих стен пыль минувших веков, а свежоокрашенная кирпичная пирамида с жестяной красной звездой на верхушке: скромный мемориал над братской могилой...

А выводит из равновесия туристов такого сорта даже не сам памятник, но именно его свежоокрашенность, любовная обихоженность, полыхание бережно рассаженных цветов. Но, пожалуй, еще больше раздражают их наши сегодняшние фильмы и пьесы, романы и песни, в которых тема минувшей войны пульсирует тревожно и современно.

— Война уж сорок с лишним лет как кончилась, а вы ее и сегодня еще вспоминаете. И под маркой памяти павших оживляете ненависть к нам, немцам. А сами же выступаете за прочный мир в Европе. Вас ист дас, где же логика?

Гиды, обязанные быть предельно корректными, вежливо разъяняют:

— Минувшая война принесла нам столько несчастий, что она не может быть забыта никогда. Мать не забудет сына, сын до своего смертного часа не забудет отца. Ну, а что касается ненависти, то специалистов по этой части надо искать не у нас, а у вас, на Западе. Впрочем, и искать нечего — они всегда на виду. Ставка на уничтожение целых народов — будь то в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке — это их теория и практика.

Да, не о ненависти следует говорить сегодня, но о бдительности. Ибо корешки нацизма, уцелевшие сорок лет назад, вновь пробиваются на свет ядовитыми побегами реваншизма. Под теплым дождем финансовых субсидий, обильно выпадающим в Бонне, и под официальным политическим прикрытием «нерешенности немецкого вопроса» побеги эти уже норовят распусться коричневыми цветами...

Сорок один год минул со Дня Победы. И по-прежнему в народной памяти о войне есть место не только трагическому и героическому, но и оптимистичному, бодрому, шутивому... Именно об этом помещенные на этих страницах воспоминания.

Война снится мне и поныне. Искаженные сном картины при этом видятся совсем не такими, какими были на самом деле, незначительное вырастает до громадности, а серьезное и важное вовсе пропадает. Но забытые ощущения тех лет все равно кажутся столь реальными, что просыпаешься с тяжело бьющимся сердцем.

Самое странное, что порою наяву происходит почти то же самое. Вдруг по какой-либо зрительной ассоциации из памяти выплывает военный эпизод, о котором и думать забыл, а то и произнесенное кем-то слово, прочитанное в газете название населенного пункта или запах дыма на лесной опушке с предельными четкостью и яркостью воспроизводят в мозгу событие далекого прошлого. В таких случаях настоящее отступает, и я с немалым усилием настигаю его вновь.

В прошлом году, например, на грузуфском пляже резкий звук прелетевшего самолета мгновенно перенес меня в сорок первый, на шоссе в районе Сухиничей. Тогда «мессер» (отчетливо помню на обшивке фюзеляжа его номер 213) несколько раз разворачивался, пытаясь сразить меня пулеметными очередями. К счастью, у него ничего не вышло, меня выручила бетонная водопропускная труба, оказавшаяся поблизости...

— С вами тоже такое бывает? — спросил я у Александра Николаевича Бучина.

Леонид
НАУМОВ

РЯДОМ С

— Конечно.— Он улыбнулся.— И, наверное, с любимым, пережившим войну.

— Мне так хотелось бы все вспомнить, от первого до последнего дня — ничего не получается! — пожаловался я.

— Не пытайтесь, — сказал Александр Николаевич.— Всего упомянуть нельзя. Будни войны достаточно однообразны, а к постоянной опасности люди привыкали и переставали ее замечать.

— Но вы-то многое помните!

— Волею судьбы я всю войну провел рядом с великим полководцем, не всем так повезло. Конечно, это дисциплинировало память.

Александр Николаевич Бучин — человек особенный. Его можно было бы принять за эталон автомобилиста, если бы подобные эталоны вообще существовали.

Однако неординарность не появляется на пустом месте, ее становление — процесс длительный. У Александра Николаевича оказались хорошие учителя. Был шофером и автоспортсменом его отец в самом начале века (специальность в те времена почти диковинная!),

был известным мотогонщиком его брат Сергей, да и сам Александр Бучин с детства отдавал автомобилю все свое время. И скрупулезно изучал технику. Отсюда одержимость и тот высокий профессионализм, на который случайным образом внимание Георгий Константинович Жуков осенью сорок первого года под Ельней. И с того момента Александр Николаевич стал шофером знаменитого военачальника и проехал с ним сто семьдесят тысяч километров по дорогам войны.

— Каким он был, маршал Жуков, — задал я вопрос, — в повседневной жизни? Я его даже издали не видал.

— Очень добрым и справедливым человеком. Бывал и вспыльчивым, но быстро отходил. Всегда твердым. Очень внимательным, ни одна мелочь от него не ускользала. Что еще? Очень немногословным. Предельно пунктуальным.

Знаю, что работал он много и в это время предпочитал быть в одиночестве, в такие часы никто не смел мешать. Много времени проводил в войсках. Придавал большое значение фактору времени, об этом

В ФРГ из государственных источников ассигновано около 80 миллионов марок на нужды различного рода «реваншистских «землячеств» и группировок.

ЗНАКОМАЯ ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ...
Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

БЫВШИЙ ЛЮБИМЕЦ ГЕББЕЛЬСА ПРОТИВ ГЕББЕЛЬСА

История эта приключилась в марте сорок пятого во время Данцигской операции. Как известно, здесь было жесточайшее сражение. Огромная вражеская группировка, прижатая к морю, сопротивлялась с отчаянием обреченных. Ведь большинство солдат верило в геббельсовщину: русские в плен не берут, они уничтожают всякого немца — будь то солдат, женщина или ребенок.

Опровергнуть этот чудовищный бред, рассказать правду о нашей армии, доказать бессмысленность дальнейшего сопротивления — вот такая задача стояла тогда перед нашей спецпропагандой. Оружием нашим были листовки и громкоговорящие установки, с помощью которых мы «обрабатывали» вражеский гарнизон. Ежедневно, ежедневно, днем и ночью. Мы широко тогда привлекали к выступлениям у микрофона самих немцев — прежде всего борцов-антифашистов, а также перебежчиков и пленных. Эффект от таких выступлений был внушительным. Геббельс трубит, что русские в плен не берут, а вот он, голос вашего Фрица или Ганса из такой-то роты такого-то полка...

Однажды разведчики привели ко мне пленного

унтера довольно диковинной наружности: абсолютно лысый, безбровый, с оттопыренными ушами.

Мой «гость» оказался широко известным в фашистском рейхе. Его голосом вещала имперская пропаганда. Сам Геббельс благоволил ему, диктору, обладавшему луженой глоткой и особым тембром голоса. Я уже не помню, по какой причине он впал в немилость в Германии. Может, перепутал текст, может, поперхнулся не вовремя, а может, не соотнес тональность речи с содержанием информации. Но факт: диктору вручили вместо микрофона автомат и погнали на поле боя.

Я перехватила взгляд экс-диктора, которым он буквально ласкал наш микрофон (встреча происходила в радиорубке).

«Тоска по берлинскому житью», — невольно подумала я. И тут неожиданно для себя самой спросила:

— Не смогли бы вы прочитать этот текст? — И протянула ему нашу листовку.

Он слегка откашлялся, «поставил» голос и начал читать. Читал, надо сказать, прекрасно...

— А не смогли бы вы это прочитать и по радио? Естественно, по-нашему...

— Почему же? Конечно... — И тихо добавил: — Я очень соскучился по микрофону.

В тот же день состоялась радиопремьера. Конечно, никакой записи, выступление, что называется, живьем. Наш новый сотрудник оказался запойным вещателем. Говорить он мог часами, чуть ли не сутками, сохраняя при этом свежесть голоса.

Кид его работы на нашей «радиопушке» оказался значительным. Свидетельством тому были усиленные вражеские «артаплодисменты», да такие, что приходилось часто менять дислокацию во время вещания берлинского экс-диктора. И пленные, в особенности перебежчики, прямо говорили, что, услышав знакомый голос, они с особой охотой внимали текстам.

Так дикторская слава, заработанная бывшим имперским диктором на службе у Геббельса, помогла в борьбе с тем же Геббельсом...

Н. В. ЗВОНАРЕВА,
подполковник в отставке.

ПОЛКОВОДЦЕМ

все знали. Однажды мы ехали с ним на штабное совещание в районе Курска, как вдруг спустил баллон. Баллон я быстро сменил, а тут, как назло, мотор стал плохо тянуть, чувствую, жиклер засорился. В общем, опоздал он по моей вине на совещание минут на пять. Был очень недоволен, упрекнул меня, что я стал плохо следить за машиной. Никогда не забуду!

Был случай, когда я его завез в сарай...

— Как в сарай? — изумился я.

— Сарай или рига, уже не помню. Ехали по бездорожью в крошечной тьме, как только на войне бывало. Ни луны, ни звезд, фары включить нельзя. Ведешь машину, аж глаза пухнут, ориентируешься непонятно как. Не знаю, что мне показалось, только въехали мы прямехонько в ворота сарая. Георгий Константинович потом пошутил: «У тебя, Александр Николаевич, куриная слепота, что ли? Витамины принимай!» Он меня всегда по имени и отчеству называл, очень это мне лестно было. Такой человек и меня, молодого парня, так величает!

— Да, ответственность на вас лежала...

— Каждой клеточкой ощущал, — кивнул Бучин. — Ведь ездили и под обстрелами, и под бомбежками, форсировали водные преграды, мало ли! Все я понимал — и кого везу, и зачем. Но я был молод, здоров, закален, машину знал и чувствовал, нервы крепкие, реакция мгновенная.

— Скажите, Ульянов в роли Жукова похож на Георгия Константиновича?

— Характером — точь-в-точь.

— А внешне?

— Сдается, Георгий Константинович выглядел в ту пору несколько моложе. Это не так уж существенно для кинофильма. В маршале всегда бурлила энергия. Ехали мы как-то и увидели в отдалении лису. «Сможешь догнать? — загорелся Жуков. — Хочу поглядеть на нее вблизи, давно лис не видал». Я помчался, и обоих нас охватил почти охотничий азарт. Убегая, лиса петляла, а маршал требовал, чтобы я повторил ее траекторию движения. «Это же машина, неужели не понимаете!» — крикнул я и оттолкнул Жукова плечом, так как он схватил меня за рукав на большой скорости. «Давай обратно!» — потребовал он сердито. Остальную часть дороги мы ехали молча, хотя я испытывал ужасное неудобство. Выйдя из машины и здороваясь с встречавшим его генералом, Георгий Константинович повел головой в мою сторону и произнес понятные одному мне слова: «Ишь какой — толкается!» Но больше об этом случае никогда не заговаривал.

— А после войны?

— И после войны я с ним ездил года два. Берлин, Москва, Одесса. В Берлине маршал был председателем Контрольного совета, встречался с союзниками. Я видел там Эйзенхауэра совсем близко и других известных людей. Общался с шоферами-американцами. Хорошие ребята были! А недавно в визе на въезд в США мне госдепартамент отказал.

— Почему?

— Не знаю. Поездка была по линии ВЦСПС, а приглашение прислал американский профсоюз автомобилестроителей и сталелитейщи-

ков. От «Совтрансавто», где я работаю шофером на международных линиях, выделили меня. И еще троих из других организаций. Всем отказали. Я просил передать государственному секретарю США Шульцу, что зря он нас испугался. Их покойный президент Эйзенхауэр меня не боялся, рядом стоял. А в Канаду съездили, там нас не боялись.

— Вы до сих пор шофером. Не тяжело в шестьдесят девять лет?

— Нет. Условия работы хорошие, машины комфортабельные, ездим с напарником по графику. Здоровье позволяет, никогда не пил, не курил. Если уж комиссия не пропустит, пойду учить молодежь.

— У вас остался от маршала Жукова какой-нибудь сувенир? На память?

— А как же! — ответил Александр Николаевич с гордостью. — Книга «Воспоминания и размышления». — И показал книгу с посвящением.

Твердым аккуратным почерком легендарного маршала было написано: «Уважаемому Александру Николаевичу Бучину — моему лучшему шоферу, безупречно прошедшему со мной все дороги фронтов Великой Отечественной войны». А ниже: «Г. Жуков — 15 сентября 1970 года».

Я положил книгу на стол.

Высокий, крепкий, седовласый Александр Николаевич смотрел на меня и улыбался. Да, ему есть чем гордиться!

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КУКЛЫ

Говорят, в музее Театра кукол Образцова иногда странные дела творятся. Будто бы, когда зрители уже уйдут и пропоет петух на театральных часах, наступает здесь большее оживление. Попросту говоря, оживают у кукол всецкие воспоминания. Однажды майским вечером заглянули мы за разъяснением этого удивительного явления в кабинет Сергея Владимировича Образцова.

— Да, нашим куклам есть о чем вспомнить, — подтвердил Образцов. — Ведь многие из них огонь, воду и медные трубы прошли. Прошли и самые тяжелые — сороковые — годы. А каких зрителей они помнят! В палатках, в блиндажах, в госпиталях. Иногда и так бывало: ставились декорации, собирались актеры, а зрители... Вдруг включались в бой, в восстановление связи, начинали дупить по вражеским самолетам... Так что советую прислушаться к музейным воспоминаниям!

Мы послушали Образцова и, представьте, действительно записали несколько неотретированных монологов...

АЛАДИН. Между прочим, я был первым героем театра времен войны. С группой актеров поехал я гастролировать на Дальний Восток. И 22 июня 1941 года чин по чину прибыл на хабаровский аэродром, чтобы предстать на сцене перед летчиками. Но перед самым спектаклем начальник клуба о чем-то сообщил моему любимому актеру Евгению Сперанскому, и тот буквально не мог ни себя, ни меня взять в руки. Кто-то даже сказал:

— А может, и не надо... Все-таки они военные летчики, им не до того.

Но оказалось — до того. Полный зал был. Хлопали, хлопали... И чего Сперанский волновался? Потом выяснилось, что это мы в первый раз выступали перед будущими фронтовиками. Я в спектакле все зло побеждаю, и летчики смеялись: начинаем воевать сразу с победы.

Потом мы вернулись в Москву. Многое там изменилось. Появились новые, страшные куклы с крестами и свастиками. После спектаклей актеры и художники не расходились — мы видели, что они до третьих петухов сидят с авторами — Ленчем, Арго, Серпинским — и придумывают для этих новых кукол очень взрослые спектакли. Две специальные группы стали с этими спектаклями выступать. Одна — на вокзалах и призывных пунктах, другая — под Москвой, в Истре, Наро-Фоминске, Кашире.

И еще, рассказывали, появилась тогда у моей Волшебной лампы соперница — керосиновая. Сидели бойцы и актеры в шалаше, и вдруг вбежал дежурный, сказал, что над частью кружит немецкий стервятник. Кто-то прикрутил немного

лампу в шалаше — и в этот момент наши зенитки фрица сбили. Как в спектакле! Правда, очень взрослом и суровом...

КОРОЛЬ-ОЛЕНЬ. А я и не знал, что бывает другая жизнь. Я и появился-то во время войны. Один за другим рождались мои будущие партнеры по пьесе, когда вдруг, как на охоте, ударил залп. Потом — грохот. В соседнее с театром здание попала бомба, и взрывная волна разрушила часть нашего дома. Играть стало негде. Тогда нам дали маленький речной пароходик, и мы... отравились на гастроли!

Закончилось наше плавание в Уфе, оттуда мы перебрались в Сибирский военный округ. И Сергей Владимирович Образцов занялся в Новосибирске... обучением солдат! То есть подготовкой фронтовых бригад кукольников из красноармейцев. Делали они кукол, репетировали сценки. Потом сдавали экзамен. И ехали на фронт, хоть и не в игрушки играть, а воевать, но ехали с куклами. И наши бригады тоже поехали на фронт по главе с Образцовым. До самого конца войны гастролировали по передовой. А однажды встретились с духовым оркестром из двадцати труб. Они играли перед спектаклем у самых окопов. И наш кларнетист Ильичицкий с ними играл. Немцы были совсем рядом и выползли посмотреть, в чем дело, что за музыка. Может, наступление?! Наши снайперы зевать не стали. Фрицы и стрелять не осмелились, затихли — как Мамай прошел...

МАМАЙ. И я прошел... По всем фронтам — в «Сне Гитлера». Спит фашистский главарь — и снится ему перво-наперво странный тяжелый рыцарь.

«Ты кто, — спрашивает Гитлер, — какой части?» Тот — так, мол, и так, говорит, восточной части Чудского озера! Где и оставлен навечно Александром Невским.

Ну, а потом и я, Мамай, являюсь. С душещипательными воспоминаниями о Дмитрии Донском. А там и Наполеон не задерживается с мемуарами о русских полководцах. Конечно, Гитлеру не по себе становится. Чувствует, что плохо кончит! И зрители моих «коллег-захватчиков» совсем не жалели. Так и говорили: собакам — собачья смерть!

НЕМЕЦКАЯ ОВЧАРКА. Вот поэтому мне, благородному псу, и пришлось представлять такого отвратительного типа — фюрера. Приделали мне усики под носом, челку между ушами — и актер Семен Самодур стал со мной играть «Заседание в рейхсканцелярии». Однажды во время спектакля — я, то есть Гитлер, как раз доклад делал, таявал будь здоров — над ширмой пролетал советский самолет. Ну, я малость от текста отступил — поднял морду, скулынул и лапой за ухом почесал. Боязно все-таки! Тут кто-то из бойцов крикнул:

— Что, не нравится?!

И такой хохот поднялся — я не знал, куда деваться! Я все-таки только пес. Вон те куклы, на полочке под стеклом, куда больше такой реакции заслуживали! Вылитые Гитлер, Риббентроп, Геббельс. Только лучше им слова не давать. Пусть о них заведующая музеем расскажет!

Н. А. КОСТРОВА. Эти действительно похожи, настоящие карикатуры на фашистских главарей. Сделаны они на фронте к представлению младшего сержанта Кобытева для кукольного театра политической сатиры одной из воинских частей. И играли они в сугубо сатирическом спектакле — «Последняя гастроль в Германии цирка Гитлера и компании». «Конфрансье-Риббентроп» объяснял, что пре-

подносят они свои номера именно немецкой публике — потому, что на международной арене уже окончательно погорели!

И начинался цирк. Каких только номеров не выкидывали! «Гиммлер» аппарат оригинальной конструкции демонстрировал — «головотягус» — вертушку из четырех топоров в виде свастики. Вроде как «для поднятия духа немецкого народа». «Геббельс» «танец газетной уточки» исполнял. «Великий манипулятор Адольф Гитлер» предлагал публике «новые манипуляции с обещаниями немецкому народу».

Сейчас от гитлеровских главарей остались только эти самые никому не страшные куклы, увешанные трофейными орденами. К стати, одну из таких кукол сохранить не удалось. У Образцова был солидный номер — «Монолог Смерти». Под конец Смерть прямо раздирает Гитлера на части. После каждого концерта приходилось куклу заново собирать. Она была вся изодранная и изломанная. И после последнего концерта, в победные майские дни этого растрепанного «Гитлера» просто... выбросили на помойку!

Подслушала монологи в музее
Н. ГРАЧЕВА.

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Перебирал я недавно домашний архив и наткнулся на целлофановый пакетик с удостоверениями. Каких только «корочек» здесь не было! Я с удивлением выяснил, к примеру, что несколько лет назад являлся членом добровольного общества спасания на водах... Не помню, кстати, как насчет спасания, но плавать я не умею до сих пор...

Разложив перед собой удостоверения, я вспомнил обстоятельства своего вступления в различные очень нужные для страны, уважаемые общества. Работал я тогда в одном НИИ с труднопроизносимым названием. По утрам к нам в отдел заскакивал взмыленный профорг. «С вас по 20 копеек!» — выпаливал он с порога, судорожно потрясая в воздухе ведомостью. Сотрудники со вздохом выкладывали друг на друга и получали взамен несколько красочных марок.

Помните, в одной старой сказке коварный царь, дабы отделаться от настырного добра молодца, приказывает ему: «Ступай туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!..»? С какой легкостью порою мы, взрослые современные люди, подчиняемся сему абсурдному приказанию в несколько видоизмененной, правда, форме: «Вступай туда, не знаю куда!..» Повинуясь ему безропотно, мы становимся соучастниками весьма опасного деяния, имя которого «формализм».

— Наконец-то! — с облегчением вздохнули противники пьянства, когда узнали, что будет создано Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость. — Наконец-то мы сможем, объединившись под флагом общества, перейти к активному искоренению порока!

Но тут же возникла и проблема: как уберечь новорожденного от коварной недетской болезни — от формализма, чтобы не переродилось сие важнейшее начинание в очередную проформу, чтобы члены общества не только исправно платили взносы, но и не менее исправно утверждали в своих коллективах и в быту трезвый образ жизни?

Общество делает первые шаги, которые всегда, как поется в песенке, «очень нелегки». Какие конкретные трудности возникают при формировании его первичных организаций на местах — таким вопросом задался я, отбывая в командировку в начале февраля.

Любое добровольное общество, как театр — с вешалки, как дом — с фундамента, начинается с устава. И потому перед отъездом я зашел в Центральное правление ВДОТР (аббревиатура моя. — В. В.) и разжился экземпляром Устава этого общества. Как выяснилось позже, поступил я очень предусмотрительно, поскольку раздобыть сей документ вне столицы было невозможно. Из десятков первичных организаций ВДОТР, которые я посетил во время поездки, Устав имелся только в одной, да и там его почему-то не открывали...

«Член Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость обязан (курсив мой. — В. В.) соблюдать Устав общества и активно работать в одной из его первичных организаций» (из Устава ВДОТР).

«Мы пытались перепечатать Устав своими силами, но силенок у нас еще маловато, — жаловался председатель Ялтинского городского правления ВДОТР А. Тавонис. — В результате на производственном объединении «Таврия», к примеру, желающие вступить в общество писали в заявлениях, как и пола-

«ВСТУПАЙ ТУДА,

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

«Устава мы не видели, но первичная организация общества у нас создана», — сказали мне на Бабушарском заводе безалкогольных напитков, что в Абхазии.

«В нашей организации ВДОТР 96 человек, а Устава нет», — признались на Сухумском химзаводе.

«Что это за общество? Как его организовывать? С чего начать?» — спрашивал меня секретарь парткома Сухумского объединенного авиаотряда М. Л. Нимидзе. Из дальнейшей беседы выяснилось, однако, что к моменту моего приезда в авиаотряде уже существовала «мощная» первичная организация ВДОТР, насчитывающая 280 человек, а точнее, 280 стандартных заявлений и 560 рублей взносов от людей, имевших весьма смутное представление о том, куда и зачем они вступали.

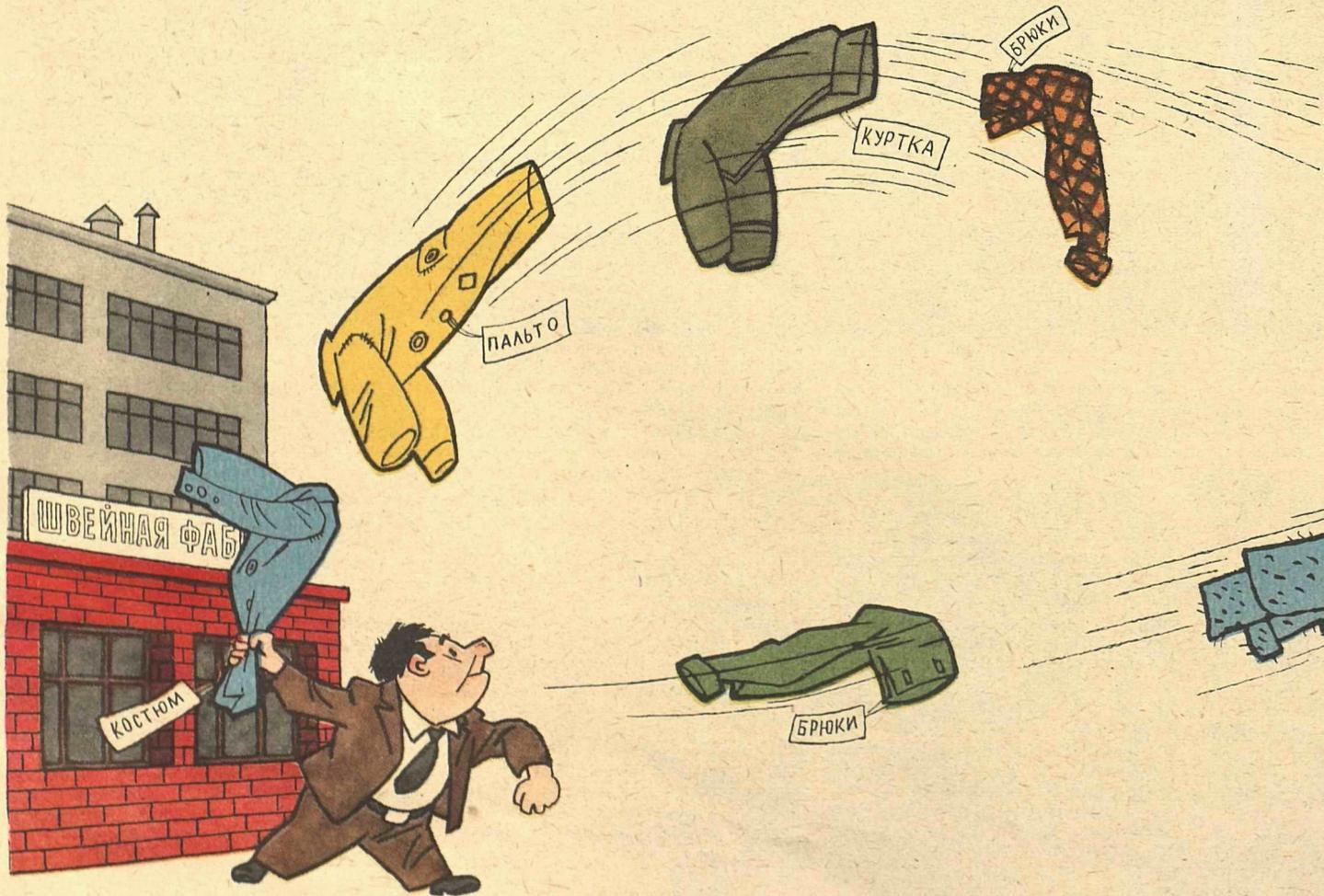
«Устава в глаза не видели, — посоветовал председатель первичной организации ВДОТР на Абхазвинкомбинате В. Б. Авиэба. — А членов общества у нас 90, хотя заявлений 10».(?)

гается, «знаком с Уставом», а самого Устава не читали».

«По нашим данным, все первичные организации страны Уставом обеспечены, — уверяли меня по возвращении в Москву в Центральном правлении ВДОТР. — Мы отпечатали его в достаточных количествах».

...Если уставов отпечатано достаточно, то где же они? Затерялись по пути из Москвы или стали добычей новой разновидности коллекционеров — «уставофилов»? Как бы там ни было, но во многих городах достать Устав общества не легче, чем любую из популярных романов Дюма-отца. Даже труднее, ибо в обмен на макулатуру он пока не продается. Как же могут без Устава функционировать первичные организации? И как их члены могут «соблюдать Устав», не прочитав его?

«Членами Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость могут быть граждане СССР, достигшие 18 лет и являющие собой пример трезвого образа жизни» (курсив мой. — В. В.) (из Устава ВДОТР).

«БУМЕРАНГИ», КОТОРЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

МИМОХОДОМ

Сначала лес вырубают, а затем в его защиту поднимается лес рук.

А. ПАСТУХ, г. Киев.

В духовной пище тоже имеются свои деликатесы.

Есть люди, которым очень рады после их ухода.

Д. ГВИЛАВА, г. Москва.

Загребая жар чужими руками, обходятся без рукавиц.

С. МАРКОВ, г. Москва.

Рожденные ползать любят жаловаться, что им подрезали крылья.

Евг. ТАРАСОВ, г. Электрогорск.

Женщине легче устоять перед мужчиной, чем перед собой.

А. ГОТОВСКИЙ, г. Москва.

Думай, что говоришь, когда говоришь, что думаешь...

А. КАНАШКИН, г. Кзыл-Орда.

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

8 февраля сего года на территории автотранспортного предприятия Ялтинского терсовета по управлению курортами профсоюзов случился загул. Диспетчеры и водители, собравшись в медицинской комнате, обильно

ВДОТР не только самому быть примером трезвости (то есть ни по какому случаю, как разъяснили мне в Центральном правлении, не принимать ни капли алкоголя), но и вести активную работу по борьбе с пьянством. Но кто растолкует это на местах, если Устава нет, а Центральное правление — за тысячу с лишним километров?

НЕ ЗНАЮ КУДА...»

потребляли в рабочее время спиртные напитки, то и дело посылая автогонцов за добавкой — благо транспорт был под рукой... Среди участников застолья были и члены недавно созданного на предприятии общества борьбы за трезвость.

«В нашей организации 500 коммунистов, а членов общества только 26, — сообщил секретарь парткома Симферопольского госуниверситета В. П. Казарин. — Людям непонятен сам принцип ВДОТР: совсем не пить или как? Нужны разъяснения...»

«У нас коллектив в основном женский, — рассуждала председатель первичной организации ВДОТР на Ялтинской промбазе непродовольственных товаров Н. Т. Гончарова. — Мы не пьем, поэтому общество нам не нужно (!), но все равно мы его создали. (!) Агитируем наших грузчиков, чтоб меньше пили. Вопрос ведь не стоит так, чтобы совсем не пить. Выпивать можно, но в меру...»

...Как видим, незнание Устава приводит к полному абсурду. «Я не пью, зачем же мне в общество?» — такой вопрос задают люди повсюду. А ведь Устав требует от каждого члена

«Прием в члены общества производится на добровольных (курсив мой. — В. В.) началах...» (Из Устава ВДОТР).

За время командировки я пересмотрел сотни заявлений о приеме в члены ВДОТР. Как только не именуют его в этих заявлениях — и «обществом трезвенников», и «обществом «Борьбы за трезвость», и даже «Обществом борьбы за «трезвость» (в последних двух примерах обращаю внимание на кавычки).

Но самое примечательное в том, что не попало мне ни одного заявления, написанного от руки. Все они были отпечатаны на машинке или на ксероксе с прочерками для дат и фамилий. Первичные организации поставили прием в общество, так сказать, на конвейер.

«Отпечатанные бланки заявлений — это нарушение принципа добровольности», — сказали мне впоследствии в Центральном правлении. Но существуют ли какие-либо разъяснения и методические указания о правилах приема? Не существуют. И вот к чему это порою приводит:

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

В Симферопольском институте КрымНИИпроект после очередного партсоборания коммунистов попросили расписаться в двух ведомостях — за партвзносы и за взносы для... вступления во ВДОТР.

В одном ялтинском медучреждении врачам продиктовали (!) следующую форму заявления: «Прошу уволить меня с работы, если я хоть раз на службе или в быту употреблю спиртное. Прошу принять меня в члены ВДОТР».

Поголовное вступление во ВДОТР на том или ином предприятии настораживает. Осо-

бенно в таком традиционно винодельческом краю, как Абхазия. Особенно в такой традиционно питейной организации, как сухумский ресторан «Нарта», где по первому призыву все 73 сотрудника стали «активными борцами» за трезвость. Подают, стало быть, клиентам спиртное и тут же с ним — с алкоголем то есть — борются...

Во всех имеющихся сейчас во ВДОТР недоработках нельзя, конечно, упрекать один лишь аппарат его Центрального правления. Взять те же уставы. Неужели мощные типографии и издательства на местах не могут оказать обществу помощь, отпечатав их в достаточных количествах? Весьма неохотно выделяются правлениям помещения и телефоны, транспорт и оргтехника. Со временем наверняка такая помощь будет оказана. Сейчас, через семь месяцев после организации общества, выпуск уставов уже налаживается, но почему бы не сделать все сразу, без раскочки, ведь хорошее начало — залог успеха любого нового дела.

Пока же отношение к штатным сотрудникам общества скорее панибратски-насмешливое, чем деловое: ну как, борцы за трезвость, искоренили уже пьянство или не совсем? Ха-ха... Подобные веселые реплики частенько приходится слышать активистам ВДОТР.

«В нашем обществе на сегодняшний день 6,5 млн. членов», — бодро проинформировали меня в Центральном правлении. Цифра, конечно, внушительная, но после всего увиденного она как-то не впечатляла.

«Особенно важно не допускать показухи, подмены существа дела паллиативными решениями», — отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду. Наверное, и при создании нового добровольного общества нужно позаботиться в первую голову не о количестве, а о качестве. Пусть будет поначалу в обществе не 6,5 млн. человек, а меньше, но пусть это будут настоящие борцы за трезвый образ жизни, твердо знающие, куда и зачем они вступили.

Москва — Абхазская АССР — Крымская область — Москва.

— Чем убирают хлеб? Петров, отвечай!
— Метлами... вениками!

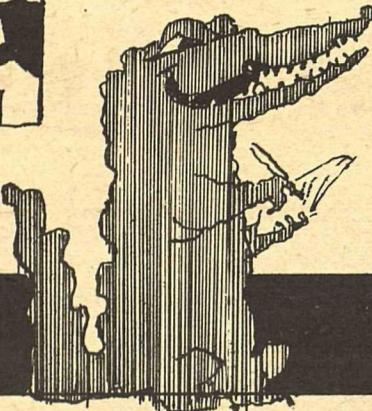
Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

КЛУБ

ИНОПОЛУТЕШЕСТВИИ

в заседании которого приняли участие политические обозреватели Гостелерадио Всеволод ШИШКОВСКИЙ и Борис КАЛЯГИН, международный обозреватель газеты «Труд», лауреат «Крокодила» за 1985 год Анатолий РЕПИН и, конечно же, КРОКОДИЛ.

КРОКОДИЛ. Итак, друзья, близится День печати, и потому в качестве темы нашего очередного заседания предлагается такая: отношение к советским журналистам на Западе, причем со стороны не только властей или спецслужб, но и простых людей. Давайте попробуем восстановить в памяти наиболее занятные, впечатляющие эпизоды. Хотите начать, Всеволод Георгиевич?

В. ШИШКОВСКИЙ. Что ж, охотно. Во время женского марша Мира Копенгаген—Париж колонны демонстранток шли из Дании в Бельгию, затем в ФРГ и Францию. По автобану не пройдешь, поэтому шли они по проселочным дорогам, заходя в маленькие городки, где их уже ждали активисты. В крупных городах к колонне присоединялись местные жители, многие специально брали отгулка, чтобы пройти до конца. Помню, к демонстрантам присоединился в небольшом бельгийском городке старик на инвалидной коляске и крутил руками колеса километров сорок. Были там даже буддийские монахи с барабанами, они били в них всю дорогу, замолкая лишь ночью. Западные телекомпании в основном игнорировали марш. И поэтому наша съемочная группа решила проявить солидарность с демонстрантами и, пройдя с ними до конца, сделать фильм. Непредвиденное произошло в ФРГ. Там, как известно, демонстрантов снимает на пленку политическая полиция и фотографии активистов попадают в архив этого ведомства. Так вот, во время одной из съемок к нам подбежал юноша из колонны и крикнул:

— А вы кто такие, чего вы всех нас снимаете? Полиция?

— Да нет, мы корреспонденты советского телевидения.

— Хо-хо, вот заливают-то! Эй, ребята, поглядите—раньше полицейские прикидывались пожарными

или на худой конец репортерами газет, а эти доврались до того, что говорят, будто они с советского телевидения! Еще и документы покажут.

— Вот, пожалуйста,—протягиваем мы документы. — Я же говорил,—не унимается юноша.— Даже документы успели на всякий случай сфабриковать!

И демонстранты нас со свистом прогнали. Что ж, понять их было можно, но нам-то тоже надо было заканчивать фильм. И вот на другой день—та же история, тот же активист кричит:

— Эй, ребята, я их знаю—они из политической полиции.

Выход нашелся как-то сам собой.

— Пошли со мной, докажу тебе, что мы не из полиции,—сказал я этому парню и повел к нам в гостиницу. У меня как раз был заказан разговор с московским радио для передачи материала о марше. Когда я начал передавать телеграмму, парень выхватил у меня трубку и спросил:

— Это Москва?

— Да, Москва,—ответил мой коллега.— А вы думали что?

— Я думал,—ответил он,—что это наша западногерманская полиция.

После этого случая не раз встречал я этого активиста на маршах Мира, но вел он себя уже совсем иначе.

— Эй, ребята!—кричал он.— Нас снимает советское телевидение, я знаю этого парня. Выше голову!

КРОКОДИЛ. Что ж, спасибо, Всеволод Георгиевич, желаем вам и впредь в высшей степени достойно выходить из столь щекотливых ситуаций. Но я вижу, представитель газеты «Труд» жаждет внести свою лепту в наше заседание. Вам слово, Анатолий Федорович.

А. РЕПИН. Вспоминается мне в связи с нашей темой такой случай. В прошлом году, работая в Вашингтоне, я наткнулся в прессе на любопытное объявление: «На Кей-стрит открылся магазин шпионских и контр-шпионских принадлежностей. Желающим предлагается фантастический ассортимент соответствующих товаров!». Кей-стрит—в самом центре Вашингтона. Сгорая от здорового журналистского любопытства, я решил отправиться туда за подробностями. Владелец магазина—симпатяга в тройке, лет 35, интересуется моей профессией.

— Ах, пресса! Прекрасно. Магазин открылся недавно, и внимание прессы владельцу очень важно. Поллюбопытствовал, откуда я. Отвечаю:

— Я из советской газеты «Труд».

— Ах «Трус»*, «Правда»?

— Да нет,—говорю.— «Труд» в смысле «лейбор», но тоже большая газета.

Он понял мои слова по-своему—коли газета большая, значит, богатая, и покупатель перед ним, следовательно, со средствами.

— Купите лимузин «Джеймс Бонд»,—дружеским тоном посоветовал он.— Бронирован, имеется два пулемета—переднего и заднего боя, телефон, в случае погони разбрасывает по мостовой мазут и выстреливает слезоточивый газ. Как раз то, что вам требуется, и всего четверть миллиона долларов!

Увидев, однако, что я не жажду приобрести четырехколесного Бонда, лавочник стал всучивать мне товары чисто шпионского свойства:

* В английском языке слово «truth» (правда) звучит созвучно нашему «труд».

— Специально для вас имеется чудесный инфракрасный телескоп на треноге: устанавливаете ночью на балконе или на чердаке — и можете читать любые бумаги у соседа в доме напротив. Нет? Тогда набор «клопов» для установки и подслушивания в помещениях или аппарат для тайного подслушивания на улице...

Я отказался и от всего этого набора, чем безмерно удивил хозяина. Он ушел в заднее помещение и через минуту принес номер газеты «Вашингтон таймс», где черным по белому было написано, что «каждый советский сотрудник в Вашингтоне — профессиональный шпион». Когда же я разъяснил владельцу, что мои интересы ограничиваются всего лишь газетным репортажем, он приуныл. Но ненадолго. Вдруг, просияв, он подвел меня к другому прилавку — там были выставлены образцы контр-шпионских товаров и принадлежностей.

— Вот это уж вам понадобится наверняка! — торжественно воскликнул он и сунул мне в руки небольшой аппарат. — Эта штукенция сигнализирует в случае, если вас подслушивают по телефону или с помощью «клопа». Берите, берите — если вы сами и не шпион, то все равно за вами следят и разговоры ваши подслушивают — можете не сомневаться!

КРОКОДИЛ: — Ну и как, взяли?

А. РЕПИН: — Отказался. Я и так не сомневался, что мой аппарат прослушивается.

КРОКОДИЛ: — Спасибо вам за рассказ, Анатолий Федорович. Теперь ваш черед, Борис Александрович. Вас тоже «опекали»?

Б. КАЛЯГИН: — Не без этого. И «шефство» со стороны британских спецслужб ведется не только на телефонном уровне.

Раз, помню, возвращаемся в маленьком городке в свой отель, а дежурная и говорит: «А к вам тут два друга заходили». Но друзей в этом городке у нас и в помине не было. В другой раз «друзья» нам даже помогли. Как только мы въехали в Бристоль, на хвост нам села машина. Города мы не знали, поэтому плутали по закоулкам битый час. Наконец, отчаявшись найти некоторые исторические здания, я остановил машину. Вышел. В десяти шагах остановились и наши «друзья». Я подошел к ним и сказал: «Господа, мы не знаем города, а ездить нам так или иначе вместе. Поезжайте поэтому вперед и помогите нам найти то-то и то-то». Господа недоуменно переглянулись, затем, подумав, один из них спросил: «А вы точно будете ехать за нами?» «Слово джентльмена», — ответил я, и дело пошло на лад. Мы быстро нашли объект, отсняли репортажи и, раскланявшись с «друзьями», уехали.

Но больше всего, говоря об отношении к советским журналистам на Западе, меня поразило трогательное внимание и, если хотите, дружеское расположение со стороны английских командос в Ольстере. Выдавая нотификацию на въезд в Ольстер, нас предупредили: категорически запрещено снимать патрулей, облавы, столкновение полиции и армии с демонстрантами и т. д. и т. п. Домá, к счастью, снимать было не запрещено и, можно ли их снимать горящими или нет, в инструкциях опять же не было ни слова.

Итак, мы снимали результат взрыва — горящий дом, как вдруг в кадр попали малиновые береты — натренированные командос из 1-го батальона 1-го королевского полка. Они внезапно подъехали, выскочили из бронированных «джипов» и, держа автоматы на изготовку, короткими перебежками передвигались по мостовой. Всех, кто попадался на пути, они обшаривали, проверяли документы, затем бежали дальше. Но так как не мы их снимали, а они сами влезли в кадр, то я сказал оператору: «Продолжай спокойно снимать, как будто мы их не замечаем».

И тут ко мне подскочил здоровенный малиновый берет и рявкнул: «Кто позволил снимать? Документы!» Вытаскивая удостоверение, я понял, что сейчас в лучшем случае нам засветят пленку, а в худшем разобьют камеру. «Так вы с советского телевидения?» — улыбнулся вдруг командос. — Тогда все в порядке». И, чуть подумав, добавил по-русски: «До свиданья, товарищ».

Я стоял ошарашенный, а оператор продолжал уже свободно снимать операцию малиновых беретов, они же иногда поворачивались к нам, даже позировали, помахивая ладошкой и улыбаясь. Вот так история, неужели в командос и впрямь угодил какой-то «товарисч», недоумевал я. А впрочем, почему бы и нет? Жизнь-то ведь сложнее привычных стандартных представлений о ней.

КРОКОДИЛ. Спасибо, Борис Александрович. Приятно убедиться, друзья, что чувство юмора вы всегда сохраняете в максимальной близости к авторучке — то бишь в своем сердце. А пока заседал наш «Клуб инопутешествий», художник Владимир Мочалов успел сделать на каждого из вас дружеский шарж, который вы сможете увидеть в «Крокодиле».

— Я тебе покажу ОБЪЕКТИВНЫЙ подход!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

«Клуб инопутешествий» вел Андрей БЕНЮХ.

— Какие новости?
— А вы что, не видите: опять газетчики бастуют.

Рисунок Г. БАСЫРОВА.

Инстинкт подсказал, что унылое каменное здание, стоящее ныне там, где в будущем располагался кинотеатр, и есть департамент.

Придя на службу, Пышкин довольно любезно поприветствовал коллег, раскаянно учел пожелание начальства впредь опозданий не допускать и зарылся в бумаги. Бумаги были непривычные, длинно составленные, порой неясные по содержанию, но Егор Иванович, обладавший большим канцелярским опытом, умудрился не только выполнить норму, но и выкроить

припоминались ему разные фантастические романы, где герои находились в аналогичной с ним ситуации; они что-то там делали, совершали, переворачивали... И у Пышкина тоже порой мелькало: а что, если вдруг выкинуть что-нибудь этакое... Но на смену этой мысли приходила другая: а время где взять?

Неоспоримо: времени не было. Его целиком съедала ответственная служба. Вечером же надо было хлопотать по дому — заставляла жена, сварливая и вредная, ничуть не лучше прежней.

Андрей МОЛЧАНОВ

Рассказ

Но вот однажды, в последний день своего хождения в должность (Егор Иванович собирался по старости службу оставить), вышел он на лестницу и только густо намазал ваксой порывшие мыски башмаков, как ощутил, что вроде бы башмаки-то на нем в какие-то греческие сандалеты превратились. И носки он испачкал ваксой, чему чрезвычайно огорчился. Потом дошло: и ступеньки изменились, и стены, и он, Пышкин, как бы... в двадцатом веке опять очутился...

Он хотел броситься к жене, но она вышла на площадку сама. Та жена, из двадцатого века. Только постаревшая. Но та.

— Егор! — сказала она укоризненно. — Последний день работы, а опаздываешь, как всегда!

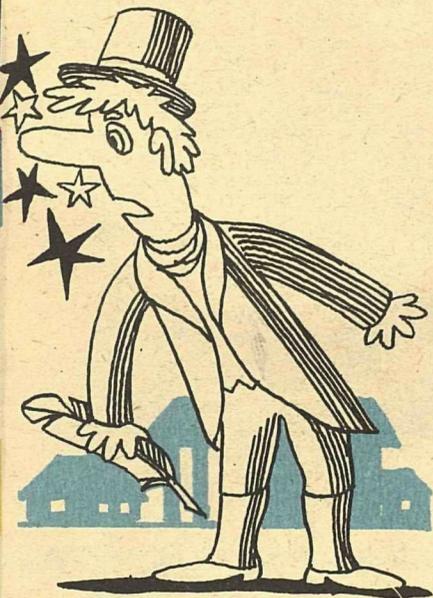
— Сейчас я, сейчас... — пробормотал Егор Иванович, справляясь с оторопью. Затем же кинулся на службу.

Он бежал по зеленому району, и был май, и белизна домов в синеве неба радовала глаз, и цвели вишни на газонах, но не видел этого Егор Иванович, мучимый вопросом о пенсии. Какую сумму составит она при обратном перемещении слагаемых?

«Я же так честно трудился... с горечью думал Егор Иванович, с размаху бросаясь грудью на чью-то спину, запирающую вход в троллейбус. — А тот... кто тут вместо меня... вдруг разгильдяй? Судимый, например? Или стаж прерывал? Или недобросовестно там чего?..» Неясность холодом обдавала его замиравшее в тревоге сердце.

— Эй, впереди там, пройдите! — закричал он гневно. — Молодой человек... место надо уступать! Чему вас только в гимназиях учат!

МЕСТ..

две минутки на дальнейшие размышления о себе лично.

Конечно, он кое-что знал. И об электричестве, и о радио, и о расщеплении атомного ядра, и еще о многих и многих интересных штуках... Но ничего конкретного в плане того, как эти штуки создать, Егор Иванович не ведал, а из всех уясненных научных открытий и формул вспомнилось почему-то лишь одно: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Данный же факт был известен и здесь, так что сенсации вызвать не мог.

В пять часов вечера усталый Егор Иванович возвратился из должности домой, где супруга встретила его клокочущим самоваром и плюшками в сахарной пудре. Егор Иванович выпил две рюмочки наливки и, разморенный, уснул. Затем поутру пошел в должность. Затем... началась будничная жизнь.

Поначалу глодало Егора Ивановича противное чувство, будто лягушка лежала у него на душе. В частности,

ПОПРЫГУНЯ-СТРЕКОЗА: — Ну, Муравей, теперь ты у меня попляшешь...

Рисунок В. КАНЕВСКОГО.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

Рисунок В. САФОНОВА.

Кафе
"Кулинария"
Общественная

Грейпфрут
за
1 кг?
3 р. 50 к.

(Ценник
грейпфрутов).
Прислал
О. Столяров,
г. Георгиу-Деж.

«Намечены меры по увеличению объема использования НТД, заимствованных из НТИ, при выполнении НИОКР и ПКР. Всем специалистам, участвующим в выполнении НИОКР и ПКР, поручено тщательно и с большей ответственностью проводить патентно-технические исследования на всех стадиях выполнения НИОКР».

(Из ответа отдела
главного конструктора
редакции газеты).
Прислал А. Болтачев,
Томская область.

ВНИМАНИЕ!
ПЕРЕД КИНОСЕАНСОМ
СОСТОИТСЯ ЛЕКЦИЯ
СТОИМОСТЬЮ 20 КОП.

Администрация

ЛУЧШЕ ЗАВТРА РАБОТАТЬ,
ЧЕМ СЕГОДНЯ!

Прислал Г. Кройтору,
Каменский район
Молдавской ССР.

«По роду своей работы мне приходится часто сталкиваться с автомашиной».

(Из служебной записки).
Прислал В. Сериков,
г. Загорск.

«Пассажиры с абонементными талонами при входе должны погашаться компостером!»

(Объявление в автобусе).
Прислал О. Худолеев,
Амурская область.

«По поводу того, что обнаружили у меня казан во дворе для производства самогона, то поясню, что это наша собака откуда принесла».

(Из протокола допроса).
Прислал С. Манжеев,
г. Улан-Удэ.

«Лошадь мерин приплода не давал из-за длительной его работы и старости».

(Из акта).
Прислал В. Широков,
г. Хабаровск.

КРОК

АЛХИМИИ
ПО-НОВОМУ

Однажды средневековому алхимику Арнольдо де Виланово, написавшему трактат о металлах, сказали, что, если бы он занялся вместо алхимии добычей золота, успех быстрее сопутствовал бы ему. На это де Виланово ответил:

— Получить золото, не затратив многолетнего труда, невозможно. Но я верю, что мой трактат поможет другим быстро и легко добиться успеха.

Год назад на станцию Дарсун из Бийска в адрес Ингодинской птицефабрики прибыло оборудование для котельной, естественно, из благородного металла. С той поры черная громадина успешно «золотит»: за ее хранение на станции фабрика уплатила немалые деньги железной дороге. А теперь она покрывается «позолотой» ржавчины. Ибо строительство новой котельной предполагается начать лишь в 1987 году.

Наверное, алхимик де Виланово надеялся на более быстрое и легкое добывание золота, чем это делает Ингодинская птицефабрика!

СВЕРХ-ТЯЖЕЛЫЙ БАРСИК

Если вы встаете в автобусе, а на ваше место садятся сразу двое, то вам, конечно, надо поухаживать. Для этого купите любые напольные весы, только не ДВН-130 производства одного из заводов Киевской области. Да-да, те, что со Знаком качества.

Я купил ДВН-130, и первое же взвешивание повергло меня в уныние. Стрелка скакнула на 120 кг! Я сел на диету и занялся бегом — 120 кг! Пиджак на мне обвис; ремень истыкан, словно перфолента, новыми дырочками; врач заявил, что мои ребра теперь и без рентгена как на ладони, а шкала все так же упорно показывала, что во мне 120 кг! Заподозрив неладное, я посадил на весы Барсика. Бедный котенок весил 120 кг...

...Ремонт на заводе, судя по показаниям шкалы, весам не помог. Я по-прежнему вешу 120 кг. И это несмотря на то, что вот уже год, как при взгляде на весы ДВН-130 у меня напрочь пропадает аппетит!

Б. ДАРЧИНЯНЦ, г. Москва.

КАК НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

— Эх, кофейку бы сейчас горяченько-го! — зябко поеживаясь, сказал один матрос.

— Чего захотел! — удивился второй. — Может, ты бы и от флотского борща не отказался?

— Не, об этом и мечтать нельзя. Хотя бы чайку или кипяточку.

Где вели этот разговор моряки? На необитаемом острове после кораблекрушения? Да нет, на плавзаводе «М. Тухачевский». Причем плавзавод

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

В адрес нашего торгового поста поступил чай. На станции Маргелан нам недодали 32 ящика чая на сумму более шести тысяч рублей. Кроме того, четыре ящика были разбиты, в них не хватало свыше двадцати пачек. На нашу претензию грузовая служба Среднеазиатской железной дороги не отвечала. Тогда мы обратились в Госарбитраж при Ташкентском облисполкоме. Но и он молчал. Послали телеграмму-напоминание. Вскоре из Госарбитража пришло письмо. Вскрыли конверт. В нем лежала наша телеграмма, полученная Госарбитражем, и более ничего! Смысл этой церемонии с возвратом телеграммы мы не смогли разгадать даже после хорошего чаепития, во время которого хорошо думается.

Между прочим, это не первый случай. Однажды такое же дело с недостачей на 3521 рубль удалось довести до конца только благодаря вмешательству прокуратуры и партийных органов. Неужто опять беспокоить их по поводу этой чайно-бюрократической церемонии?

У. ЮЛДАШЕВ, директор горторга,
Т. САИДОВ, юристконсульт,
г. Кызыл-Кия Ошской области.

был не в далеком плавании, а стоял в порту Владивосток на ремонте.

Экипажу плавзавода не то что плавать, но и выполнять судовой ремонт было несладко. Холод в жилых помещениях, замена горячего питания сухим пайком и прочие неудобства. Однако вроде бы никого все это не беспокоило. И произошло то, чего можно было ожидать. Редакция получила письмо, в котором рассказывалось о мытарствах экипажа.

Письмо было направлено в Министерство рыбного хозяйства СССР. Как явствует из ответа, все беды произошли из-за неправильной эксплуатации паровых котлов, которые вышли из строя. В результате не стало отопления, освещения и горячего питания. За проявленную безответственность объявлен строгий выговор главному механику К. Антонову, старший механик Р. Бубнов освобожден от занимаемой должности, механик паросилового установок В. Дамьянин лишен рабочего диплома. Со всех троих удержано по трети месячного заработка.

— Этот агрегат не из цветного металла? Да за него золотом плачено!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

СТОЯ НА СТРАЖЕ...

Нередко предъявляют претензии к торговле. Дескать, она идет на поводу у производителей товаров, беря у них никудышные вещи. Торговля, мол, должна стоять на страже интересов покупателей.

Вот мы, работники промтоварного магазина образцового торгового объединения Ленинского района Северо-Казахстанской области, сделали попытку постоять на страже и сами не обрадовались.

Получили мы штуку симпатичной ткани с Ереванского комбината шелковых тканей.

Развернули и обнаружили в ней двенадцать метров, окрашенных, словно экзотические зебры. Составили акт и отправили на комбинат. Через четыре месяца он ответил: «Высылайте на обмен». Брак выслали. Этим все кончилось. Сколько ни писали на комбинат, он молчит, как в подушку. Мелькнула мысль: может, он переехал? Справились на почте о судьбе посылки, оказалось — комбинат ее получил.

А между тем ввиду отсылки брака в магазине образовалась недостача, которую продавцам пришлось возместить за свой счет. Сумма небольшая, но обидно. При таком положении было бы просто счастьем, если б Ереванский комбинат вернул нам свой брак! И на том бы спасибо.

Работники магазина,
с. Покровка Северо-Казахстанской области.

Резолюция дежурного по отделу: Переадресовать данное письмо Ереванскому комбинату на предмет громкого зачтения в кабинете директора на Дне качества.

ГОРЬКО?

Москвичка Л. Десятникова показала нам эту фотографию, на которой изображены ее племянник Володя и его невеста Анжелика. Причем, можно сказать, в самый патетический момент, имевший место в Люблинском районном Дворце бракосочетаний.

Ничего не скажешь, большой мастер фотоискусства обслуживает новобрачных в этом дворце.

Его клиенты, глядя на свои свадебные фотографии, никогда не воскликнут с грустью: «Посмотрите, как молоды мы были!»

ПРЕСС

ВЗГЛЯДОМ ДОБРЫМ И СТРОГИМ

Их много в сборнике рассказов Б. Ласкина «Что было, то было» (М., «Советский писатель», 1985 г.) — людей разных профессий, возрастов, наклонностей и привычек, разных характеров. Но объединяет их умение идти по жизни с улыбкой, не раскисать, когда становится трудно, сохранять оптимизм и чувство юмора в любых ситуациях.

Короткие рассказы-вспышки собраны в книге в несколько разделов: «Будем знакомы», «С утра до вечера», «Дела семейные», «Таланты и поклонники». Каждый из этих рассказов буквально на миг освещает какую-то свою тему, касающуюся самых близких, насущных житейских вопросов, с которыми постоянно приходится сталкиваться каждому. Просто для нас это рядовой, проходящий эпизод, а для писателя-сатирика — возможность обратить внимание на недостатки человеческих характеров, воспитания людей, их отношения к делу. И не просто зафиксировать, а ненавязчиво, но достаточно твердо, через юмор, улыбку, что особенно трудно, выразить свое собственное мнение об увиденном, призвать к совершенствованию всех наших отношений, и личных и общественных.

Вот почему каждый из разделов книги несет в себе совершенно определенный социальный заряд. Направленное действие сатиры и юмора активно касается вопросов нравственности, широко внедряется в сферу трудовых отношений. Быть добрее, отзывчивее и в то же время ответственнее учит эта книга, ответственнее не только за собственные личные дела и поступки, но и за то большое общее дело, которое доверено каждому из нас и всем вместе и называется работой. В рассказах Б. Ласкина именно с этих позиций подмечаются недостатки в наших делах. Не просто посмеяться, но и принять к сведению, и не просто принять, а обязательно исправить, делать свое дело лучше.

Именно так понимаются наиболее острые сатирические рассказы книги, которые особенно актуальны сейчас, когда вся страна, все советские люди включились в работу по-новому, так, как требует время.

Несколько отличается от общего направления книги мемориальный раздел («Происшествия», «Память»). Он интересен информационно, рассказывает о том, что и кого удалось повидать писателю на своем веку, очевидцем каких знаменательных и редких жизненных эпизодов удалось быть, высвечивает какие-то новые черты, найденные автором в характерах известных, выдающихся людей нашей эпохи.

Книга «Что было, то было» читается легко благодаря простому и выразительному языку. Это сама жизнь, эпизоды которой зорко подмечены и талантливо рассказаны Борисом Ласкиным, который был добрым и веселым человеком.

Г. АЛИФАНОВ.

КРОКОДИЛИНКИ СПОРТИВНЫЕ

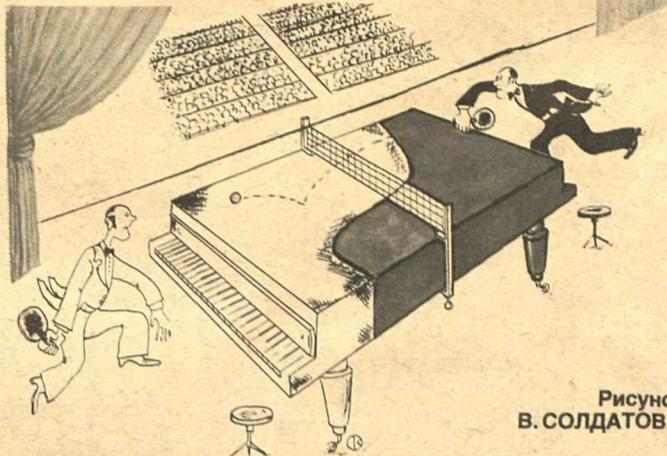
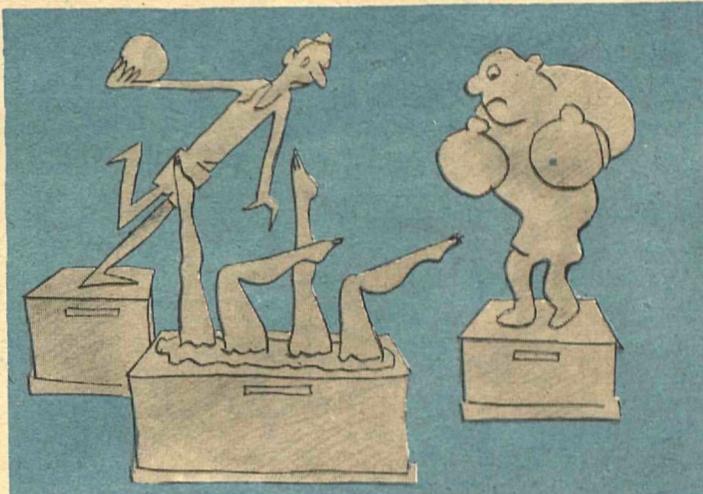

Рисунок
В. СОЛДАТОВА.

ВЫСТАВКА «ИСКУССТВО И СПОРТ» Рисунок Ю. СТЕПАНОВА.

— Оказывается, профессор болеет за «Динамо»...
Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

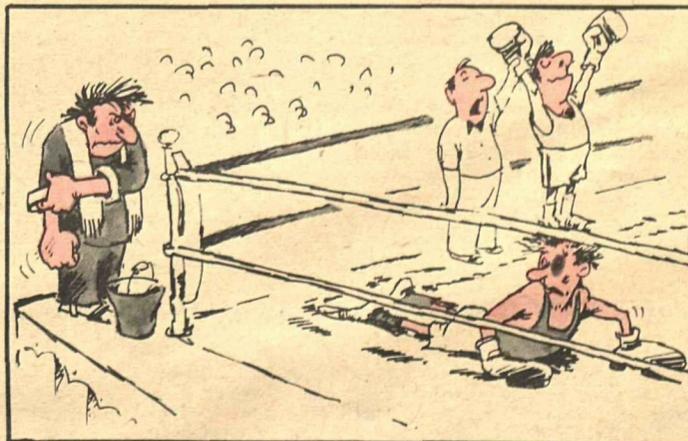

Рисунок И. НОВИКОВА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Агентство, способное ввести в транс. 9. Человек, который всегда прав, но никогда не может этого доказать. 10. Научное название липы, выращенной в рекламном бюро. 12. Место, где встречаются клиента сухо и вместе с тем горячо. 13. Мелочный повод для жалобы. 17. Часть обуви, которая у модницы просит «манной каши». 18. Весовица (миф.). 19. Предсезонник (дворник.). 21. Блеск, который наводит в фотоателье, чтобы скрыть дефекты в работе. 22. Частичный обман посетителей столовой (стыдлив.). 23. Одно из составляющих душевного равновесия бухгалтерского работника. 25. Место в системе обслуживания населения, где клиенту нет места. 28. Устройство для сокрытия дефицита. 30. Зверски перенаселенная гостиница (фолькл.). 32. Форма обслуживания. 33. Первый из работников торговли, живший как бог (древнеримск.). 34. Непостоянная величина в системе общепита. 35. Одна из разновидностей обещаний в сфере услуг. 40. Инвентара (столовск.). 41. Излюбленная мишень писателей-сатириков в жилищно-коммунальном хозяйстве. 43. Ситуация, когда дефицита не хватает даже к приезду ревизоров. 44. Обычная единица освещенности городской улицы. 45. Организованная толпа (магазинн.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Минимальный срок, необходимый ателье для прищипывания пуговицы. 2. Качество, позволяющее женщине доставить покупки на дом. 3. Экзотический фрукт, чаще встречающийся в кроссвордах, чем на прилавках. 4. Малоэффективный способ привлечь к себе внимание работников сферы обслуживания. 5. Повар, у которого всегда есть под рукой подсоленная вода. 6. Источник знаний, жалоб и предложений. 8. Предприятие общественного питания, где готовят так, что чувствуешь себя не в своей тарелке. 11. Подделка под дело. 12. Основоложник подхода ко всем клиентам с одной меркой (миф.). 14. Черта характера, необходимая работнику сферы обслуживания, когда доказан п. 32 по горизонтали. 15. Обслуживание иностранных туристов. 16. Торговый зал в театре. 19. Кузнец-виртуоз, прославившийся выполнением «левых» заказов. 20. Местность, свободная от местного бытового обслуживания. 21. Место в учреждении, где администрация, как правило, ни за что не несет ответственности. 24. Предприятие бытового обслуживания, где чаще других любят повторять, что даже на солнце есть пятна. 26. Здоровое состояние человеческого организма, от которого кое-где лихорадит торговую сеть. 27. Общественный транспорт в зоопарке. 29. Опорно-двигательная система, используемая в общественном транспорте. 31. Если она не сдается, ее уничтожают. 35. Печенье, по которому сохнет торговая сеть. 36. Первое, что предпринимает жилец, получивший новую квартиру. 37. Вид транспорта, который почти всегда на высоте. 38. Животное, чья услужливость стала нарицательной. 39. Зазывала (театр.). 42. Часы, оставленные в ресторане.

Составили Ив. ИВАНЮК
и Ал. МААТИНЕЦ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Мороженое. 8. Гнездо. 11. Капель. 13. Путевка. 15. Чудо. 17. Куст. 20. Закорки. 22. Луноход. 25. Пекло. 26. Лимон. 27. Рынок. 28. Белье. 31. Бутон. 33. Загар. 36. Рыска. 37. Канун. 38. Злоба. 39. Трояк. 40. Ветка. 41. Гроза. 42. Трава.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Потоп. 2. Лом. 3. Сев. 4. Точка. 5. Ленъ. 7. Лель. 9. Зайчик. 10. «Весна». 12. Пастух. 14. Экзамен. 16. Дурь. 18. Урна. 19. Ледоход. 21. Игрище. 22. Любовь. 23. Подснежник. 24. Транзистор. 28. Береза. 29. «Ласточка». 30. Ералаш. 31. Блик. 32. Траншея. 34. Героизм. 35. Риск.

**А ЭТО
МНЕ
РАС-
СКА-
ЗАЛ...**

С. Д. Индурский
много лет
возглавляет газету
«Вечерняя Москва».
Нередкий гость
он и в «Крокодиле» —
на страницах журнала
публиковались
его невдуманные
истории
из редакционной
жизни.
Сегодня
Семен Давыдович
вспоминает
несколько
забавных эпизодов,
рассказанных
его знаменитыми
собеседниками.

Дело было весной 1918 года... Считался я тогда поэтом, не грешил «презренной прозой», выпустил даже сборник стихов. В этом сборнике я напечатал поэму о Парижской коммуне.

Поэма была революционная, я читал ее в клубах, на концертах, митингах, напечатал еще раз в газете. А через два года в солидном журнале... И вот какие-то дела привели меня в Народный комиссариат просвещения.

Луначарский меня знал и относился всегда благожелательно. На этот раз мне показалось, что нарком был сух и даже холоден.

— К моему огорчению, товарищ Никулин,— начал Анатолий Васильевич,— я должен говорить с вами по крайне неприятному делу...

В эту минуту позвонил телефон. Анатолий Васильевич взял трубку и коротко отчеканил:

— Да. Конечно. Еду...

Потом, повернувшись ко мне, сказал предельно официально:

— Товарищ Никулин, мой секретарь вам все объяснит... Извините, очень спешу...

И Анатолий Васильевич отбыл.

Секретарь, не глядя мне в глаза, сказал:

— Дело в следующем... Вы напечатали три недели назад поэму под названием «Парижская коммуна».

— Напечатал.

— А между тем мы получили из провинции газету, где эта же поэма напечатана несколько месяцев назад за подписью «Евгений Правдич».

— Правдич?— воскликнул я.— Какой еще Правдич? Такого авантюриста я не знаю.

— Успокойтесь,— сказал несколько смущенный моим недоуманием секретарь,— вникнем, разберемся...

— Вот именно, разберемся... Эту поэму вы можете прочитать в книжке моих, слышите, моих стихов, вышедшей в 1918 году. Потом я эту поэму напечатал в 1919 году в Москве... А потом этот... Правдич за своей подписью тиснул ее где-то в провинции. Вот...

И я вытащил из кармана брошюрку с моими стихами.

Секретарь наркома полистал книжку, нашел злосчастную поэму, покачал головой и вздохнул:

— Мне остается только выразить вам сочувствие... Но какой... тип этот Правдич,

— Скорее, Кривдич, чем Правдич...— сказал я.— Плагиатор несчастный!

История имела продолжение. Евгений Правдич появился в Москве, и однажды нас познакомили в Доме Герцена. Нужно ли говорить, что и как я ему высказал! Но в ответ он только усмехнулся:

— Ну и что же? Я сел на якорь, глушь, провинция...

Януш ОСЕНКА
(Польша)

**НА ГРАНИ
ФАНТАСТИКИ**

На совещании в нашей лаборатории взял слово доцент.

— Имеются тревожные симптомы,— сказал он.— В воде, которую некоторые продавцы доливают в молоко, мы обнаружили остатки хлора, ртути, олова, а также ряд химических субстанций, вредных для здоровья человека.

В наступившей тишине кто-то покашлял, кто-то высморкался. Видимо, никто не решался высказаться по такому тревожному поводу.

Наконец слово взял заместитель начальника лаборатории.

— На днях мы сделали химический анализ бензина, продающегося в заправочных станциях города. Результаты этой работы весьма обнадеживающие: оказывается, вода, которую на некоторых станциях доливают в бензин, не содержит соединений, только что названных товарищем доцентом. Напротив, в данной воде обнаружены полезные для здоровья человека элементы железа, цинка и магния, которые, однако, сокращают жизнь автомобильных моторов.

Ученые оживились. Те из них, кто приезжал на работу в собственных авто-

мобилях, нередко застревали в пути, так как моторы захлебывались водой, исследованной в лаборатории...

— Вместе с тем,— заключил заместитель,— следует отметить, что некоторые элементы, содержащиеся в той воде, которую доливают в молоко, не только не нарушили бы работу моторов, но, напротив, повысили бы эластичность мембраны бензонасоса.

Совещание еще больше оживилось.

Ничего удивительного, что после зрелого размышления в дискуссии принял участие сам профессор.

— Из вышесказанного,— сказал он,— можно сделать вывод, что если воду, доливаемую в молоко, доливать в бензин, а воду, доливаемую в бензин, доливать в молоко, то это было бы значительным достижением как для здоровья человека, так и для функционирования автомобильного мотора...

Собравшиеся поаплодировали профессору и согласились считать его предложение научным открытием. Но тут поднялся с места самый молодой научный сотрудник института.

— Может быть, есть более радикальное решение проблемы,— воскликнул он.— Что, если вообще не доливать воду ни в бензин, ни в молоко?! А?

Совещание было шокировано.

— Вы ошиблись, молодой человек,— строго сказал заместитель начальника.— Мы находимся в солидном научном учреждении, а не в студии фантастических кинофильмов...

Авторизованный перевод
Н. ЛАБКОВСКОГО.

УЛЫБКИ

РАЗНЫХ ШИРОТ

Полистал твою книжечку, выбрал подходящие стихи и напечатал за своей подписью. Ты попользовался, дай товарищу попользоваться славой... Что тут особенного?..

От такой наглости у меня захватило дух. Не знаю, что произошло бы дальше, но товарищи увели меня подальше от греха в прямом и переносном смысле...

У этой истории есть и весьма неожиданный эпилог.

На премьер в Камерном театре в кабинете Таирова я увидел Анатолия Васильевича Луначарского. Он подозвал меня и, улыбаясь, сказал:

— Ну, как вы, успокоились после кражи? Забавная история, не правда ли? Кстати, поэма недурна, много чувства, но насчет техники надо поработать, товарищ дорогой... Техника стиха у вас хромает. Со стихосложением у вас не того. А как насчет прозы?

Прозвенел звонок. Начался следующий акт. Нарком ушел в локу.

Думаю, он был прав. В скором времени я перешел на прозу. И навсегда. А вообще кто знает, не случись того литворовства, может быть, я так и остался бы на всю жизнь поэтом-середнячком?

...Ираклий АНДРОНИКОВ

«Прямая» телевизионная передача шла из квартиры Горького. Я выступал в роли экскурсовода. Мне хотелось как можно ярче рассказать о вещах, окружавших Алексея Максимовича. К счастью, сохранились грамофонные пластинки, которые по вечерам любил слушать Горький. Я решил включить в программу одну из песен в исполнении Шаляпина. Когда наступило время поставить пластинку на диск, помощник режиссера вдруг побледнела, стала делать какие-то странные движения руками, отрицательно мотать головой и что-то шептать...

Я поймал себя на мысли, что говорю об одном, а думаю о другом. И тут вспомнил: в сети нет нужного напряжения, пластинка, поставленная на диск, будет вращаться в замедленном темпе, послышится треск и шум, и никто не поверит, что такой треск и шум любил по вечерам слушать Горький. А между тем я уже держал в руках злословную пластинку и вот-вот должен назвать песню и ее исполнителя.

Теперь уже все, кто занимался передачей и не входил в кадр, ожесточенно жестикулировали. Один стоял у розетки и, как ему казалось, яснее ясного сигнализировал мне: не ставь, Андроников, пластинку; другой держал руку у горла, полагая, что я пойму: голос не звучит; третий сложил руки крест-накрест, не то умоляя, не то сигнализируя: поставишь пластинку — все пропало.

Неожиданно для самого себя я нашел выход. Я попросил показать пластинку крупным планом и сказал: вот эту пластинку любил слушать по вечерам Алексей Максимович. Можно

сейчас поставить эту пластинку, а можно ее и не ставить. Пожалуй, лучше сделаем это в другой раз.

Я посмотрел в сторону товарищей. Все они, словно сговорившись, посылали мне воздушные поцелуи.

...Евгений ВУЧЕТИЧ

Как-то корреспондент одной уважаемой военной газеты попросил меня ответить на вопросы: где, когда, при каких обстоятельствах состоялось мое знакомство с гвардии сержантом Николаем Масаловым? Как родилась композиция произведения, отобразившая героический подвиг сержанта?

Вроде вопросы обыкновенные, но они поставили меня в тупик. В самом деле, как сказать корреспонденту, что... впервые слышу имя, по всей вероятности, очень мужественного и заслуженного человека?

Гость достал из планшета свежий номер газеты. В нем была опубликована корреспонденция, посвященная подвигу гвардии сержанта Масалова при взятии нашими войсками Берлина. Собственно, удивил меня не подвиг. Сколько их было совершенно! Поразило, что созданный мной монумент в Берлине связывают с героическим эпизодом, о котором я... только что узнал.

Мы словно поменялись ролями. Вопросы стал задавать я, а журналист отвечал убежденно, со знанием дела, скажу больше — вдохновенно. Что же я узнал?

...В знаменательный и крайне напряженный день штурма здания рейхстага подразделение, в котором служил Масалов, оказалось в зоне яростного огня. В какую-то долю секунды наши солдаты услышали детский плач. Масалов догадался — плачет ребенок под мостом. Получив разрешение командира, сержант, рискуя жизнью, по-пластунски стал подбираться к девочке, лежавшей рядом с трупом женщины. Схватил ребенка и отнес в безопасное место.

От меня требовалось, чтобы я подтвердил: именно этот эпизод я запечатлел в своем памятнике, воздвигнутом в центре Берлина. А я узнал об этом через двадцать лет после окончания войны!

Конечно, мы тут же нашли общий язык. Советский воин, попирающий ногами разрушенную им свастику, — это символ! Держа в одной руке меч и прижимая к своей груди спасенного ребенка, советский солдат олицетворяет мощь и благородство нашего народа, ценой неисчислимых жертв спасшего свою Родину и народы Европы от фашистской чумы.

Я не очень огорчен, что по простодушному заблуждению неизвестного мне журналиста возникла легенда о якобы запечатленном мной эпизоде, имевшем место в достопамятный день штурма рейхстага. Я рад, что родилась эта легенда. Ведь в этом есть своеобразная символика: так народная молва вознесла на высокий пьедестал в центре Европы не безымянного воина, а солдата, имеющего моральное право олицетворять собой все доблестное советское воинство.

КРОКОДИЛ

№ 13 (2527)

Май, 1986

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ

(зам. главного редактора),

А. Б. ГОЛУБ,

Б. Е. ЕФИМОВ,

Р. Т. КИРЕЕВ,

В. Г. МОЧАЛОВ

(художественный редактор),

В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ

(ответственный секретарь),

Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,

В. И. СВИРИДОВ,

М. Г. СЕМЕНОВ,

С. В. СМЕРНОВ,

А. А. СУКОНЦЕВ,

А. И. ХОДАНОВ

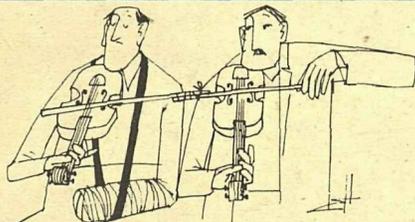
(зам. главного редактора).

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Р. Друкман, Е. Животов, С. Коняхин, Е. Милутка, И. Новиков, Р. Самойлов, В. Солдатов, Ю. Степанов, С. Цветков, Ю. Черепанов.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

ШИРОТ

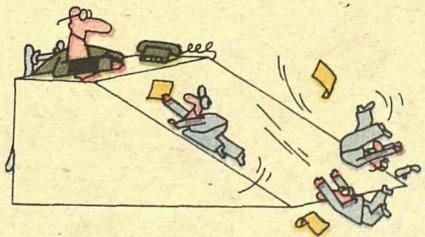

«Ойленшпигель», ГДР.

Шотландец говорит жене:
— С тех пор, как мы стали давать нашему Артуру за хорошую отметку пенни, он приносит домой одни пятерки!
— Похоже, он делит выручку с учителем...

— Жан, сколько на самом деле лет твоей жене?
— Трудно сказать, но, по ее собственным словам, выходит, что она моложе нашего старшего сына...

Дикий Запад. Драка в салуне. Раздается выстрел. Бармен хватается за шиворот пьяного ковбоя.
— Негодяй! Это ты застрелил пианиста?
— Ладно, ладно. Припиши его к моему счету.

«Рогач», ЧССР.

— Жак, проснись! Ты слышишь скрип — это мыши!
— А ты хочешь, чтобы я встал и смазал их маслом?

— Послушай, Дюпон, ты по-прежнему работаешь в театре? Не мог бы достать мне несколько контрамарок?
— Пожалуйста. А ты по-прежнему служишь в банке?..

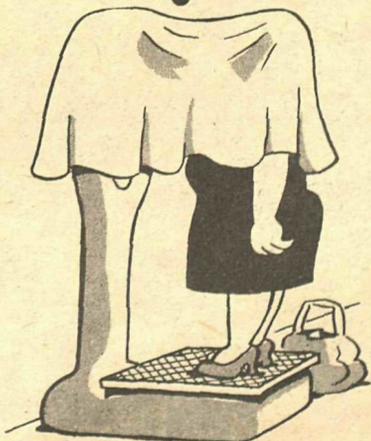
— Сержант Билл, еще раз проверьте личное дело новобранца Сименса. Каждый раз после занятий по стрельбе он тщательно стирает отпечатки пальцев на прикладе.

«Ойленшпигель», ГДР.

Звонок в полицию.
— Срочно наряд на бульвар Капуцинок, дом пять, пятый этаж, налево. Жена избивает мужа чем попало, и тот ужасно кричит.
— Вызов принят. Наряд высылаем. А вы кто, сосед?
— Нет. Я муж.

— Дорогой, ты будешь очень мною доволен. Я три раза проехала на красный свет, и ни разу меня никто не оштрафовал. На сэкономленные деньги я купила себе три новые шляпки.

«Уикэнд», Англия.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес:
101455, ГСП,
МОСКВА, А-137,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86; 212-21-73.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 31.03.86.
Подписано к печати 07.04.86.
А 01955.
Формат бумаги 70 × 108¹/₈.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5300000 экз.
(1-й завод: 1—3151049).
Изд. № 1118. Зак. № 2698.
© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил», 1986 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС
«Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

2407У

Читатель, сравни рисунки на обложках этого номера. «Мир» в звездах — таково реальное воплощение мирной политики СССР. И дорога к сотрудничеству в этом мирном небесном доме открыта для всех стран.

Но у Вашингтона другая доктрина. «Миром правит сила. Космос — театр военных действий», — утверждают политики от милитаризма. И посулами, и угрозами они «заряжают» своих союзников в обойму для «стратегической оборонной инициативы» — СОИ, которую не мы, фельетонисты, а американский конгрессмен назвал «звездной войной». И на эту «инициативу» Пентагон требует триллион долларов,

хотя она, по мнению даже заокеанских экспертов, ни на цент не повысит безопасность не только Западной Европы или Японии, но и самих США.

Так стоит ли союзникам США становиться «патронами» в опасном космическом «винчестере»? Не лучше ли прислушаться к требованиям всех людей доброй воли — «Земля — без взрывов. Космос — без ракет!»

И пусть звучит призывом рисунок на нашей первой обложке: миру — только «Миры»!

РЕС-0103/Ан
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1986 г.
КОНТРОЛЬНАЯ ЭКЗЕМПЛЯР

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

Рисунок МАРХИТРОЕВА.